

Биномы и голофрастические сращения в поэтической и обыденной речи: системные характеристики и стилистические возможности

ЛЕВОН СААКЯН
ОЛЬГА СЕВЕРСКАЯ
(Москва)

<https://doi.org/10.25167/Stylistyka26.2017.8>

Стилистические возможности словообразовательных феноменов, упомянутых в заглавии, определяются потенциалом образующего их „небуквенного орфографического знака”, как научным языком определяют дефис современные энциклопедии и словари. У дефиса есть и простое, понятное любому наивному носителю языка название: черточка. Так вот, „черточка” выполняет функцию одновременно и дефиса, и тире – она и внутри-словный, и межсловный знак, это отмечают исследователи в отношении, прежде всего, поэтического языка (Фатеева 2004: 51)¹, но это справедливо

¹ Об истории дефиса и тире (этих, соответственно, „единит(ель)ного” и „разъятного” знаков) в русской орфографии и литературе подробно пишет О. И. Онацкая (Онацкая 2005: 5–21), указывая на некоторую оксюморонность терминологического употребления, – например, у Н. Курганова, который писал: „*Единительный* знак ставится, когда какое слово в середине *разделить* должно” (курсив наш – Л. С., цит. по: Онацкая 2005: 11). „Единительным знаком” называл дефис, в частности, А. Х. Востоков, приводя в *Русской грамматике* примеры его употребления в названиях растений (Ивань-да-Марья, мать-и-мачеха), а также формулируя правила написания прилагательных с первой частью на „полугласный ъ”, таких как трех-аршинный (Востоков 1831: 370), в современном русском пишущихся слитно, что, по мнению О. И. Онацкой доказывает „соединительность” функции знака (Онацкая 2005: 10). Тире тем же А. Х. Востоковым было именовано „знаком мыслеподделительным”. Эти „черточка

и в отношении тех структур, которые сегодня характерны для общезыкового употребления.

Среди дефисно-оформленных структур можно выделить *биномы* – сращения с приложениями и сложные слова², и *голофразис* – стяжение словосочетаний и предложений в некоторое подобие слова³. Еще в самом начале 2000-х годов Вяч. Вс. Иванов обращал внимание исследователей на активное употребление дефиса, превращающего словосочетания и предложения в слова, в английском языке⁴, предсказав его активизацию при словообразовании и в русском (Иванов 2004: 42-45). И надо сказать, что за последние 15 лет в русском разговорно-письменном языке употребление дефисных конструкций росло лавинообразно, угрожающе расширив область лексико-синтаксического словопроизводства.

Словосложение остается продуктивным способом словообразования слов-биномов: *плац-палатка, диван-кровать, радио-няня*; словосращение (*сумасшедший, вечнозеленый*), как можно судить по новейшим словарям, свою продуктивность теряет. Хотя примеры и тех, и других есть сегодня в обыденной речи: *онлайн-аутлет, релакс-досуг, Гоголь-Центр*, с одной стороны, *тыещеизменишьсвоемнение, #Скажите-власти-ведь-недаром* – с другой. Такие образования реализуют потенции словообразовательной системы языка, уже освоенные фольклорной: *сон-трава, краса-девица, море-океан, путь-дорога, Мать-сыра-земля*, и поэтической (Северская 2015) речью: *тетки-трещотки, девки-маслобойки, стряпки-мясорубки* (Цветаева, цит. по: Ревзина 2009: 410), *города-во-сне, по-травам-тоска*

и черта” служили, таким образом, отождествлению и различению основных единиц знаковой системы языка – слов.

² Этот термин использует, например, М. В. Костромина (Костромина 1992); о биноминах пишет В. Г. Костомаров (Костомаров 2014: 168–170).

³ В понимании О. М. Корытовой (Корытова 2008) и – применительно к поэтическому языку Н. А. Николиной (Николина 2004).

⁴ Вяч. Вс. Иванов приводит в своей *Лингвистике третьего тысячелетия* такие примеры: *don't-touch-me-or-I'll-kill-you* ‘лицо с выражением, как бы говорящим *Не притрагивайтесь ко мне, а не то убью*’; *a one-strike-and-you-are-out policy* ‘политика (основанная на принципе) нанеси один удар и ты им со всем покончишь’ – из журналистики; обиходные *made-to-order baby brother* ‘сделанный, как по заказу, брат-младенец’, *a can-do guy* ‘умелец’ и др. (Иванов 2004: 43-44), сравнивая такие „сверхсложные слова” со словообразовательными подражаниями Хлебникова санскриту и греческо-церковнославянскому, с опытами Гете и Рильке, философскими терминами Хайдеггера (Иванов 2004: 43, 45).

(Айги 1991: 47), *Американский бар набитый как трамвай / Где-извините-я-не-говорю-по-русски* (Искренко 2009) и др.

Синтаксические стяжения оформляются как „слова” и начинают употребляться как часть предложения – в результате субстантивации⁵: *приближенность / [...] нашего „жить-то-ведь-надо”* (Айги 1991: 192); лексикализация сращения еще очевиднее – благодаря согласованию определений с его опорным словом: *Портовые флаги, обтянувшие ветер / как юбки портовых красоток... / Их воздушное трепет-биенье, / влажное, / полное волн, ударяющих в пристань, в борта кораблей, в грудь моряков – / хлесткий звук раздираемой ткани / над обнажаемым миром страстей* (Поспелов 2001a)⁶.

В отличие от слов-сращений, голофрастические синтаксически мотивированные образования (типа *словаслилисьводнуфразу*) не имеют ограничений по протяженности. У Г. Айги, например (1991: 245), голофрастические „слова” иногда занимают и несколько строк: *ветр будто летит младенца-Бачиньского (вот вам цветочек-такой-иероглиф-могучего-сверхсовершенство – дрожанье...) [...] и имени нет чего-иль-кого-Что-теперь-и-назвать-уже-пусто-и-поздно!*

Лексические единицы, образованные на базе синтаксических конструкций, характеризуются „отнесенностью не к конкретному предмету, явлению, а к целому фрагменту действительности в его видении индивидом” (Корытова 2008: 3). Стяжение словосочетания позволяет выделить некую сущность, объект поэтического мира: например, такой, как уже упомянутые *города-во-сне* или *по-травам-тоска*, или достичь эффекта передачи целостного представления о некотором качестве поэтического объекта: *светом / страдающе-в-облике-собранным / из первосвета явившись / вздрагивая / ждать...; ... в веющем свете: окрестности-в-свет-вызывающем* (Айги 1991: 169), и одновременно представить это качество как „нечто” сущностно самостоятельное, как „душу” вещи (ср.: Потенбя 1968: 23).

Иногда одна и та же синтаксическая структура „сжимается” по-разному, ср.: *осторожно присутствие в памяти / идеи-колес-вдоль-кустарников-*

⁵ Именно она придает синтаксическим слияниям языковой статус, считает Н. А. Николина (Николина 2004: 94).

⁶ Заметим, что и первый компонент сращения можно мысленно преобразовать в согласуемое прилагательное – получится *трепет(ное)-биенье*

выжженных / вкривь выявляет виски... (Айги 1963) и: **язык Мира-этого-Боли / держится светосодержаще...** (Айги 1991: 116). И в том, и в другом случае стяжению подвергается генитивная конструкция, однако в первом примере зависимый компонент соответствует недискретному представлению об объекте, в то время как во втором множество сопоставляемых объекту характеристики сущностей оказывается дискретным (речь идет одновременно о языке этого Мира, о языке Боли, о языке Боли этого Мира).

Можно выделить следующие модели голофрастических сращений:

1) Стяжение сочетаний слов с сочинительной связью: *единство плотное [...] страны-и-человечества* (Айги 1991: 188); сращения могут обладать и структурой с бессоюзным сочинением: *и атомом-молитвой-точкой-страха* (Айги 1991: 134); конструкции с сочинительной связью могут „сжиматься” и до части окказионального сложного „слова”: *тело-и-мозготцы* (Айги 1991: 171); *Веселый путник / ветер / в июльский зной спешит к озерным чашам / напиток соком тихого ручья / и запахами птиц-любви-и-меда* (Поспелов 2001b), – границы между компонентами голофрастического сочетания подвижны, оно предстает как голограмма, отражающая образы *птиц, любви и меда, птиц любви* (к примеру, *соловьев*) *и меда* и *птиц (и) любви-и-меда* (одновременно: *сладости любви и медового месяца*).

2) Голофрастические сращения, образованные из сравнительных конструкций: *конвойно-как-знаками-муки: / розы!..* (Айги 1991: 243); *в Поззии-как-в-Осиянности...; еще – Шопена нам! [...] чтоб Мир-как-Стыд / пылал* (Айги 1980); *нимб-как-затмение-лица – / это солнца и луны / обручальные кольца* (Даенин 2000); *с-лицом-как-человек / сфинкс...* (Даенин 2000).

3) Сращения с использованием приложений, *давно-человек, рухнуть-достоинство, „ах”-продолжение*, в том числе – конструкции с приложениями характеристики, находящимися в постпозиции: *домик-игрушка* (ср. *игрушечный домик*) (Айги 1991: 60); *дыхание-нежность* (ср. *нежное дыхание*) (Айги 1991: 169), или в препозиции: *праздник-пенье* (ср. *праздничное пенье*) (Айги 1991: 203), так и с приложениями, основанными на метафоре-сравнении: *девочка-бабочка; тряпки-лепестки; рябина-возглас; знамена-розы* (Айги 1992); *радуга-лампа; мир-верблюд, хранящий воду мира* (Даенин 2000); компоненты сращения с приложением могут быть

связаны и метонимическими отношениями: *люди-души, жизнь-старость* (Айги 1992).

В одном тексте может быть представлено несколько связанных друг с другом метафорических сращений с приложением, в этом случае они воплощают образные параллели, подкрепляемые и другими реализациями тропов: *ей страшно одной так жить / как будто заживо тонет / в многоэтажном трюме города-корабля [...] „он есть” – стучит ее сердце / и, уходя от окна, / она поспешно вступает в легкие лодочки-туфли / и снова плывет в никуда...* (Поспелов 2010: 26). Метафорическое сравнение, выраженное сращением, как правило, формирует в тексте определенное лексико-семантическое поле и соответствующее ему денотативное пространство.

По наблюдению О. Г. Ревзиной, „приложение представляет расчлененное как нерасчлененное – предмет и признак, гипотаксис и паратаксис, ситуацию и ее составляющие” (Ревзина 2009: 411), при этом „само по себе [...] не содержит в себе никакого указания на иерархию входящих в него элементов и “сцепленных” в нем признаков, его собственная семантика – это соположение, совместное присутствие в мысли или в ситуации” (Ревзина 2009: 412; ср.: Николина 2004: 94, 95). Как замечает Н. А. Николина, „сложное слово служит [...] средством компрессии образной параллели, которая развивается в художественном тексте” (Николина 2009: 90). Сращение как бы задает определенные смысловые пределы развития образа, своеобразные „от” и „до”.

Интересно, что поэты используют дефисы и как „знаки разъятия”. У Айги, например, „сигналом” расширения словесной материи может быть отделение дефисом приставки от корня: *все-озарение, после-слобие, до-выдержанная простота; не-открываемость, Нет-Чистота, страдание, без-сознатье, полу-душа, лже-принадлежность, сверх-достоинство* (встречаются и такие формы, как *сверх-над-обозначено*); использование тире вместо дефиса: *И – как собака – деснами – руку – руками – свои – рукава...*; или же отказ от знаков препинания, введение „пауз” между словами, которые разделяют заглавные буквы: *как кровь Ты протупаешь / в том нищем Сумраке-Что-Я: / о Буква Слова Огонь Фигура Огненная* (все примеры: Айги 1992). У Поспелова „разъятие” способствует оживлению внутренней формы слова и инициирует языковую игру: [Girl-Реклама] *Твой силиконовый кожзаменитель пахнет*

девушкой. / Но замысел твоего эго утрачен, ты уже **не-она** (отметим в скобках имплицитную аттракцию звукового комплекса сращения *не-она* и **неона*, ассоциируемого с рекламой) (Поспелов 2010: 33). В другом примере: *неуместны руки / перед не-хлебом-насущным* (Поспелов 1997), – налицо контаминация известного библейского выражения „*Не хлебом единым жив человек*” и молитвенного обращения к Отцу Небесному „*Хлеб наш насущный даждь нам днесь*”, однако сращение воспринимается именно как слово с особым значением. Дефис обуславливает возможность перегруппировки компонентов и установления между ними предикативных отношений: *не-хлебу* ‘пище духовной’ предиктируется свойство быть *насущным* ‘жизненно необходимым’, а все „слово” становится знаком ‘духовности как жизненной необходимости’ и получает грамматическое оформление, соответствующее его синтаксической позиции. Стоит отметить и интересный случай языковой игры, основанной на „разъятии” голофрастического сочетания, образованного в результате контаминации двух связанных сочинительной связью узуальных именований: в перечне нужных вещей появляются *брюки всех мод после эпох рок-коко и -н-ролла* (Поспелов 1997).

В обыденной письменной речи сегодня также наблюдается экспансия дефиса, что вполне объяснимо. Интернет, будучи средством интенсификации информационного обмена (Саакян 2016), способствует компрессии лингвистических единиц, что, в свою очередь, запускает механизм экономии языковых средств выражения значений. Наряду с традиционными аббревиацией (*РПЦ* вместо *Российская православная церковь*; *СМИ* вместо *средства массовой информации*), суффиксальной универбацией (*платежка* вместо *платежная квитанция*; *Кутузка* вместо *Кутузовский проспект*), сращением (*быстро растворимый быстрорастворимый*) и сложением (*юго-запад, левобережный*) встречается и нетрадиционное слияние, которое орфографически оформляется дефисом, превращающимся во словообразовательный формант⁷. Как замечает Н. А. Николина, дефис в этом случае „подчеркивает начало объединения слов в одну единицу и одновременно отражает незавершенность этого процесса” (Николина 2009: 119). Индивидуальная эстетико-игровая компетенция говорящего реали-

⁷ Некоторые исследователи даже считают возможным говорить об особом способе создания новых слов – *дефисации*, частном случае *графиксации*, *графодеривации*, *графико-орфографического способа словообразования* (Попова 2010: 684).

зуется в языке вokkaциональных образованиях, часто выходящих за рамки общепринятых словообразовательных моделей.

В интернет-среде наиболее распространены следующие модели сложно-составных слияний.

В одну единицу регулярно объединяются компоненты подчинительных субстантивных сочетаний: *вечер-без-отдыха* (О. Юрьев), *забота о всех-спасенье* (М. Степанова), или же сочинительных: *Официанты разносили хеннесси-сок-воду-шампанское* (О. Новикова) – эти примеры приводит Н. А. Николина (Николина 2009: 119).

Сочетания частицы с модальным значением и имени существительного: *как-бы-реформы* (*Акция протеста...* 2014), обладающие эвфемистическим потенциалом также встречаются довольно часто.

Дефисом присоединяются к опорному слову и иноязычные элементы, в том числе используемые в приложении: *VIP-билет, TV-парк, SMS-ка, PRO-новости, Web-страницы, Web-дизайн, PR-акция, PR-текст, PR-технологии, on-line-конференция, on-line-сообщение, on-line-строка* (Попова 2010: 683), – как в нейминге: *релакс-салон, релакс-досуг*, так и в частных блогах в „Живом журнале”: *пятничный „фиш-энд-чипс” с салатиком в комплекте (Аспирантура в Голландии...* 2014); *копаясь в ассортименте европейских онлайн-аутлетов (Пост стиля жизни...* 2014)

Чаще всего встречаются голофрастические сочетания, называющие некий объект или же называющие свойство объекта.

В разговорной речи и в интернет-общении широко распространено употребление некоторых категорий существительных в нехарактерной для них функции определения: *У меня подруга такая прям девочка-девочка (Что такое девочка-девочка...* 2015) – в таких конструктах используется усилительная функция редупликации (ср.: *синее-синее море*), но только одной семы или определенного комплекса сигнификативных признаков этого имени (в нашем примере логически выделяется ‘женственность’ вместо ‘ребенок женского пола до юношеского возраста’). Относительно часто такую атрибутивную конструкцию сопровождает прямое указание на основание сравнения, в нашем примере так же оформленное дефисами, но составленное уже из называющих эталонные качества прилагательных: *Мой муж такой атос-портос-арамис весь из себя умный-толстый-сексуальный! (Какой тип темперамента...* 2016), без такого указания

интерпретация могла бы быть другой: ‘один за всех’, ‘благородный, изысканно вежливый, тщеславный’, ‘меланхолик, флегматик, холерик – 3 в 1’ и т.д. Можно привести и интересный пример редупликации эталонного имени собственного в сложном прилагательном, не без языковой игры с „мимишностью”: *Он такой мики-микируристый* (от Микки Рурк – Л. С., О.С.), *такой лапочка!*

Довольно остроумную классификацию структурно-семантических типов таких сложносоставных „слов” приводит Н. Н. Занегина, которая выделяет:

„Тот самый этот-предмет” – *Мама выхудела из магазинов-для-толстых, но не вхудела в размерную цепочку большинства обычных магазинов; Поздравляем! Ваш сын зачислен в школу-по-прописке!* – в этом случае дефисное оформление сопоставимо с определенным артиклем, передающим логическое ударение (Занегина 2012: 700);

„Не-знаю-как-назвать-предмет” – дефисно-оформленные слияния, отражающие поиск нужного слова и содержащие объяснение передаваемого значения⁸: *можно было брать напрокат велосипеда и не-знаю-как-обозвать-эти-штуки-с-четырьмя-колесами; купила юбку-не-знаю-как-называется-волнами-от-талии-изображает-офисную* (Занегина 2012: 702),

„Не-хочу-называть-предмет” – случаи словообразовательно оформленной эвфемии (или намека, зависит от трактовки – Л. С., О. С.): *Жена летчика Ярошенко попросила помощи у сами-знаете-кого (не хочется лишний раз произносить эту фамилию)*⁹ (Занегина 2012: 702);

„Такого-слова-почти-нет” – в этой группе сложносоставные слова восполняют лакуны, представляя собой гибрид двух нормативных сочетаний: *по улицам ходят миллионы двадцати-с-небольшим-летних* (двадцатилетние + двадцать с небольшим); *по результатам двух-с-половиной-часовой беседы написала статью* (двухчасовой + два с половиной) (Занегина 2012: 702);

⁸ По наблюдению Н. Н. Занегиной, чаще всего такие дефисно оформленные номинации отражают поиск именованного статуса личных отношений, близких к семейным: *мой-без-пяти-минут-муж, мужчина-с-которым-я-просыпаюсь-уже-десять-месяцев, у меня вот не-муж-но-тем-не-менее* (Занегина 2012: 699). Поисковая система Яндексa это подтверждает аналогичными примерами: *ABC_XYZ страдает по мистери-мне-нужно-время; муж пить-бить-гулять* и т.д.

⁹ Ср.: *Отбывающий наказание в США летчик Ярошенко попросил помощи у Путина* („Взгляд”, 17.02.2014).

„Предмет я-обычно-о-нем-говорю-так” – „цитатный тип” новообразований, представляющих либо чью-то прямую речь: *Муж до сих пор не понимает, не могу сказать, чтобы он сильно стремился понять. Скорее относит это к у-всех-же-должны-быть-странности. Но моральную поддержку оказывает*, либо один из многословных цитируемых текстов: *Да, дочка уже после рождения выдавала классическую реакцию узнавания на „полковнику-никто-не-пишет”, которую я слушала в промежутках между операми и балетами* (Занегина 2012: 703).

О конструктах, представляющих собой свертку того или иного прецедентного текста, стоит сказать особо.

Возьмем, к примеру, фрагмент из книги К. И. Чуковского *От двух до пяти* (Чуковский 2001): *Лес заблудительный, однойнельзяходительный*, определение в тексте-источнике представляет собой слияние коммуникативных фрагментов часто повторявшихся предостережений („Заблудишься... Одной в лес ходить нельзя...”), которое превращается в производящую основу окказионального прилагательного. Интересно отметить, что слитное (как в первоисточнике) написание этого выражения отнюдь не противоречит правилам интернет-языка. Дефисное же оформление „*однойнельзя-ходительный*”, неоднократно встречающееся в интернет-блогах, – это уже вторичное влияние на прецедентный текст современных „правил” интернет-письма.

Сегодня голофрастические апелляции в первоисточникам оформляются не только дефисами, но и хэштегами, что как бы позволяет использовать голофрастическую конструкцию как поисковый оператор, с помощью которого можно группировать подобные сообщения: *#Великий-и-могучий; #А-воз-и-ныне; #Болтун-находка; #Скажите-власти-ведь-недаром* и др. Как и любое обращение к прецедентному феномену (Соколова 1998), такое сложносоставное „слово” выполняет экспрессивную функцию, служит выражению эксплицитной или имплицитной оценки. Сам прецедентный текст, с нашей точки зрения, как правило, в речи не используется, поскольку „хранится” в когнитивной базе (и следовательно, в „голове” конкретного члена лингвокультурного сообщества) в виде инварианта восприятия. Используются же прецедентные имена и прецедентные высказывания, которые могут выступать в качестве символов прецедентных текстов, т.е. вполне закономерно превращаться в „хэштеги”.

Как уже говорилось, такие дефисные комплексы, как правило, экспрессивно заряжены. Эмоционально-экспрессивная окраска может быть со знаком „плюс” и „минус”. К примеру, автор высказывания: *Прочитав ряд **тредов-споров-срачей**, происходящих между условными-феминистками и **сетевыми-супер-мачо**, я сделала вывод... (Что общего... 2015)* явно оценивает и *условных-феминисток*, т. е. не эталонных представителей феминистического сообщества, и *сетевых-супер-мачо* не высоко, о чем говорит использование в качестве словообразовательных компонентов голофрастической номинации грубой, бранной лексики. Вместе с тем, *феминистка* и *супер-мачо* в ином контексте могут быть интерпретированы и глорификативно. Так же от точки зрения зависит оценочный потенциал сложносоставной номинации и в другом случае: *Она разразилась скандалом на тему: **эти-проклятые-самцы-меня-тут-же-восхотят**, а я не секс-объект, а превеликий индивидуй и даже имею право налево (Дурак и феминистка... 2015)*. Поскольку фраза, записанная через дефис, принадлежит чужой речи, то средством выражения оценки говорящим услышанного и цитируемого становится ирония, с легким оттенком осуждения (которое выражает используемое оценочное слово *скандал*). В то же время смысл, который стоит за голофрастическим сращением, указывает на отрицательную оценку происходящего автором этого, пересказываемого „спича”.

Дефисное оформление чужой речи выглядит хоть и эмоциональным, но все же относительно нейтральным. Градус экспрессии повышается, когда слова, сливаясь воедино, вытесняют дефис. У таких образований, по мнению Н. Н. Занегиной, выше степень формульности, и именно эта формульность может стать предметом метаязыковой рефлексии (Занегина 2010: 704). Слитное написание маркирует фразы, негативно оцениваемые блогером, вызывающие отрицательные эмоции, сарказм, имеет место негативная стилизация, как в дискуссии „чайлдфри” и „овуляшек”: „**потом пожалеешь**”, „**сама дуравиновата**”, *нереально бесит, что все думают – **ты еще изменишь своё мнение***”, „**ввай нуражали**” и т.п. К. М. Сайфеева, рассматривая такого рода диалоги, приходит к выводу:

приводимые высказывания оппонентов приводятся в качестве штампов, затёртых, надоевших, предсказуемых фраз, которые произносятся „чужими” постоянно и „не к месту”, а тому, что подобные голофрастические номинации порой теряют не только дефисы, но и кавычки: *ты ничево **ни понимаешь, эта же деееееетт!!***, предлагает „два

объяснения: экономия сил и стремление к высокой скорости написания — с одной стороны, и восприятие фраз как окончательно стертых, предельно часто употребляемых — с другой (Сайфеева 2014: 821).

Таким образом, слитность написания оказывается более сильным маркером эмоций, чем дефисность.

Опираясь на эти факты, можно утверждать, что современные исследователи правы, когда отмечают обозначившуюся тенденцию к „размыванию границ между морфемами, отдельными словами, словом и предложением в структуре текста” (Николина 2004: 99) и когда им „кажется возможным предложить пересмотреть само лингвистическое определение «слова», [...] поскольку относительным становится само представление о структурной оформленности слова и невозможности знаков препинания и пауз внутри него” (Фатеева 2004: 55). Действительно, голофрастические и прочие сращения благодаря дефисному написанию обретают цельнооформленность и – в известном смысле – идиоматичность. Их значение, как и у знаменательных слов, определяет „понятие, содержащее общие существенные признаки какого-то отрезка действительности” (Шмелев 1977: 60), с той разницей, что существенные признаки передаются знаменательными и служебными словами, играющими в сращениях роль „морфем”.

Из устной речи с ее ярко выраженной адгерентной оценочностью эти слова-сращения перекочевали в дискурс Интернета, где успешно выполняют несколько прагмалингвистических функций: визуализируют сложные идеи, называют и оценивают объекты, ситуации, события, предметы и понятия. Исходя из тенденций развития языка, можно предположить, что дефисные комплексы, обозначающие определенные понятия, со временем сольются в единое слово. Это продиктовано такими обязательными свойствами русского слова, как цельнооформленность, одноударность, грамматическая отнесенность. Другой вид дефисных конструкций – передающих чужую речь или оформляющих таким образом цитату и несущих дополнительную прагматическую нагрузку в виде оценочной семантики – не имеет функции номинации и не стремится к слитному написанию, поскольку такое написание сильно затруднило бы восприятие такого „слова”. Такое написание превращает их в конструкты полисинтетических языков, и это входит в конфликт с морфологической системой русского языка, а поэтому будет отвергнуто.

Источники

- Айги Г., 1963, *Весть с юга. – Современная русская поэзия*, Г. Айги, *Стихотворения*, <http://modernpoetry.ru/main/gennadiy-aygi-stihotvoreniya> (дата обращения: 31.10.2016).
- Айги Г., 1980, *Читая Норвида. – Современная русская поэзия*, Г. Айги, *Стихотворения*, <http://modernpoetry.ru/main/gennadiy-aygi-stihotvoreniya> (дата обращения: 31.10.2016).
- Айги Г., 1991, *Здесь: Избранные стихотворения 1954–1988*, Москва, 287 с.
- Айги Г., 1992, *Теперь всегда снега. Стихи разных лет. 1955–1989*, Москва, <http://www.vavilon.ru/texts/aigi6-2.html> (дата обращения: 31.10.2016).
- Акция протеста против реформы здравоохранения*: блог, 2014, <http://echo.msk.ru/blog/echomsk/1429860-echo/> (дата обращения: 31.10.2016).
- Аспирантура в Голландии. Что почем*: блог, 2014, <http://snowdrop.livejournal.com/96292.html> (дата обращения: 31.10.2016).
- Даенин Е., 2000, *Возведение в степень*, Москва, <https://sites.google.com/site/dayenin/vozvedenie-v-stepen> (дата обращения: 31.10.2016).
- Дурак и феминистка*: блог, 2015, <http://stogova.livejournal.com/647082.html> (дата обращения: 31.10.2016).
- Искренко Н., 2009, *Я забываю шарф... – Нина Искренко*, <http://nina-iskrenko.livejournal.com/2951.html> (дата обращения: 31.10.2016).
- Какой тип темперамента у Атоса, Портоса, Арамиса и Д’Артаньяна?* Форум, 2016, <https://otvet.mail.ru/question/67921728> (дата обращения: 31.10.2016).
- Кое-что про девчонок-сорванцов*: блог, 2016, <http://stogova.livejournal.com/647082.html> (дата обращения: 31.10.2016).
- Поспелов Е., 1997, „*Если с тобой любовь...*”. – Е. Поспелов, *Время кофе*, Москва, <http://www.pospelove.ru/old/lebu.htm> (дата обращения: 31.10.2016).
- Поспелов Е., 2001а, „*Портовые флаги, обтянувшие ветер...*”. – Е. Поспелов, *Острова ветров*, Москва, <http://www.pospelove.ru/old/b4-1.htm#b11> (дата обращения: 31.10.2016).
- Поспелов Е., 2001b, *Расcodия*. – Е. Поспелов, *Острова ветров*, Москва, <http://www.pospelove.ru/old/b4-1.htm#b33> (дата обращения: 31.10.2016).
- Поспелов Е., 2010, *Блики*, Москва, 70 с.
- Пост стиля жизни и мук выбора в обувных магазинах*, 2014, <http://a-d-astra.livejournal.com/345113.html?thread=8193049> (дата обращения: 31.10.2016).
- Что общего у феминисток и их противников?* Блог, 2015, <https://newsland.com/community/5807/content/chto-obshchego-u-feministok-i-ikh-protivnikov/3333308> (дата обращения: 31.10.2016).

- Что такое девочка-девочка? Форум, 2015,
<https://www.u-mama.ru/forum/gossip/everything/630784/2.html> (дата обращения:
31.10.2016).
- Чуковский К., 2001, *От двух до пяти*. – К. Чуковский, *Собрание сочинений в 15 т.*,
т. 2, Москва.

Литература

- Востоков А. Х., 1831, *Русская грамматика*, Санкт-Петербург, 408 с.
- Занегина Н. Н., 2012, *Словосочетания-записанные-через-дефис как способ категоризации и новый прием языковой выразительности в русском языке*. – *Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: по материалам ежегодной Международной конференции по компьютерной лингвистике „Диалог”* (Бекасово, 30 мая – 3 июня 2012 г.), вып. 11 (18), т. 1, Москва, с. 696–705, <http://www.dialog-21.ru/digests/dialog2012/materials/pdf/131.pdf> (дата обращения: 31.10.2016).
- Иванов Вяч. Вс., 2004, *Лингвистика третьего тысячелетия: вопросы к будущему*, Москва, 208 с.
- Корытова О. М., 2008, *Когнитивное пространство словосращения (на материале русского и английского языков)*: Автореф. дис. канд. филол. наук, Тверь, 18 с.
- Костомаров В. Г., 2014, *Язык текущего момента: понятие правильности*, Санкт-Петербург, 220 с.
- Костромина М. В., 1992, *Биномы в русском языке*: Автореф. дис. канд. филол. наук, Москва, 23 с.
- Николина Н. А., 2004, *Современное поэтическое словотворчество*. – *Поэтика исканий, или Поиск поэтики: Материалы международной конференции-фестиваля „Поэтический язык рубежа XX–XXI веков и современные литературные стратегии”* (ИРЯ РАН, Москва, 16–19 мая 2003 г.), ред. Н. А. Фатеева, Москва, с. 90–99.
- Николина Н. А., 2009, *Новые явления в сфере сложения и сращения*. – *Славянские языки и культуры в современном мире: Междунар. науч. симпозиум* (Москва, МГУ им. М. В. Ломоносова, 24–26 марта 2009 г.): труды и материалы, Москва, с. 119–120.
- Онацкая О. И., 2005, *Становление дефисного написания слов в русском письме XVIII – первой половины XIX века*: Дисс. канд. филол. наук, Москва, 260 с.
- Попова Т. В., 2010, *Полифункциональность русского дефиса*, „Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского”, № 4 (2), с. 682–686.
- Потебня А. А., 1968, *Об изменении значения и заменах существительного*. – А. А. Потебня, *Из записок по русской грамматике*, том III, общ. ред., предисл. и вступ. статья чл.-корр. АН СССР В. И. Борковского, Москва, 552 с.

- Ревзина О. Г., 2009, *Безмерная Цветаева*, Москва, 400 с.
- Саакян Л. Н., 2016, *Новые медиа: язык СМИ и социальных сетей*, „Русский язык за рубежом”, № 4, с. 93–99.
- Сайфеева К. М., 2014, *Коннотативное цитирование как форма речевой агрессии* (на материале текстов сторонников движения чайлдфри в сети Интернет), „Молодой ученый”, № 18, с. 819–822.
- Северская О. И., 2015, *Голофразис и смежные явления. – Основные тенденции развития поэтического языка XX–XXI вв. Языковые уровни и их взаимодействие*, отв. ред. Н. А. Фатеева, Москва, с. 189–210.
- Соколова О., 1998, *Прецедентные тексты в газетных заголовках*, „Лаборатория рекламы, маркетинга и public relations”, № 2, <http://www.advlab.ru/articles/article586.htm> (дата обращения: 31.10.2016).
- Фатеева Н. А., 2004, *Поэзия рубежа XX–XXI веков: что происходит в языке и с языком*, „Russica Romana”, vol. XI.
- Шмелев Д. Н., 1977, *Современный русский язык. Лексика*, Москва.

*Binomials and holophrastic fusion in poetic and everyday speech:
System characteristics and stylistic features*

The article deals with derivation phenomena, receiving a graphic design with the help of a hyphen. Among such composite words binomials – a fusion of composited and complex words, and the holophrasis – the stand out in the contraction of phrases and sentences into some semblance of words. Examples of those and others are today in everyday speech. These constructs implement the potency of a word-formation language system that has already been used in poetic speech. The authors show that word-fusion has migrated into the discourse of the Internet, where it successfully performs several functions: visualizing complex ideas, nominating and evaluating objects, phenomena, situations, events, and concepts; and defining complexes, ultimately indicating certain concepts will eventually merge into a single word because the words in the text have become in some sense conditional.

Keywords: *word formation, binomials, holophrasis, stylistic features, text interpretation, evaluation, nomination.*